

доктор филологических наук

А.С.Дёмин

(Москва)

ЭСТЕТИЗМ Д.С.ЛИХАЧЕВА

Я знал Лихачева с его 54 лет, то есть на протяжении 40 лет. Я был у него в аспирантуре, а потом благодаря ему переехал из Ленинграда в Москву. Я был учеником, как говорится, двух господ - известного археографа Владимира Ивановича Малышева, он разыскивал древнерусские рукописи, а теории научил Дмитрий Сергеевич Лихачев. Даже не научил, а приучил к пониманию эстетики древнерусской литературы.

Окончив университет, Лихачев вошел в молодежную научную группу "Космическая академия наук", которая обсуждала вопросы русской орфографии. Они считали, что нужно восстановить букву "ять". Эта буква и послужила основанием обвинять Лихачева, будто бы он хочет восстановить царизм. (Кстати говоря, букву "ять" он все-таки потом восстановил, и в "Памятниках литературы Древней Руси" в 12 томах "ять" всюду проставлена.) По этому — глупейшему — обвинению Дмитрий Сергеевич и попал на Соловки. А когда вернулся из ссылки обратно в Ленинград, устроиться на работу было трудно. В конце концов он стал работать корректором в издательстве Академии наук. Малышев, который в то время уже работал в Пушкинском Доме, обратил внимание на этого молодого человека и попытался перетя-

звать его в Пушкинский Дом. Тогда у Лихачева и проснулся интерес к древнерусской письменности. Сектором древнерусской литературы заведовал академик Александр Сергеевич Орлов, Герой Социалистического Труда и все прочее — по тем временам авторитетный. Мальшев просил за Лихачева. Однако Орлов отказал, причем отказ свой мотивировал такой фразой: "Он слишком красив для ученого".

В Лихачеве действительно была красота, причем не только внешняя. Все, что через него проходило, становилось красивым. Если взять его главное пятикнижие: "Человек в литературе Древней Руси", "Текстология: На материале русской литературы X—XVII вв.", "Поэтика древнерусской литературы", "Развитие русской литературы X—XVII вв.: Эпохи и стили" и, наконец, "Слово о полку Игореве" и культура его времени" — все эти книги красивы. В книге про "Слово о полку Игореве" одна из идей до сих пор поражает — предположение о его диалогичности, что "Слово..." составлено как импровизация певцов на княжеском пиру. Один певец, консерватор, хочет подражать слогу Бояна, а другой, наоборот, более революционен и возражает. И на этом диалоге строится "Слово...". Это нелегко стопроцентно доказать на испорченном тексте. Но идея красивая.

Дмитрий Сергеевич был артистичным, высоким, изящным. Это целая церемония — как он подавал вам руку. Или он с вами беседовал, и вы чувствовали, что вы для него — драгоценный человек. Он мог простую кепку надеть так, что она казалась чем-то удивительным. На нем любое пальто, любой костюм сидели идеально. Причем это давалось ему без всяких усилий. И эта красота — внешняя и внутренняя — привлекала людей. Недоброжелатели говорили, что Лихачев строит воздушные замки. Замки он действительно строил. Он мог дать аспиранту один совет, и угловатая, незаконченная работа вдруг превращалась в красивую теорию. Правда, следовать этим советам было трудно — их мог реализовать только сам Лихачев.